

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 1 (86). С. 113–119.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2025; 1 (86):113–119.

Научная статья

УДК 821.161.1-32.09"18"

DOI 10.37724/RSU.2025.86.1.012

Топосы *дом* и *дорога* в сюжетной структуре рассказа В. Г. Короленко «Соколинец»

Анастасия Ивановна Кулакова

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия
aikulakovanastasia@yandex.ru

Аннотация. Обращение к поставленной проблеме обусловлено важностью исследования топосов *дома* и *дороги*, актуализирующих в русской литературе важнейшие духовно-нравственные смыслы. Анализ рассказа производится через рассмотрение ситуаций испытания героя, который в ранней юности оставляет родительский дом и выбирает путь странствий, ведущий его из защищенного места в пространство неопределенности и опасности. Установлено, что топос дороги в художественной структуре рассказа противопоставляется дому, а смертная семантика топоса юрты позволяет выявить в изображенном мире произведения оппозицию *жизнь* — *смерть* и сделать вывод: юрта воспринимается повествователем как *антидом* — «чужое, дьявольское пространство, место временной смерти» (Ю. М. Лотман). Особое место в сюжетной структуре произведения занимает символический образ огня, который напрямую связан с победой над силами зла и является знаком «своего» пространства для главного героя. В статье показано, что путь трудностей и опасностей, который проходит «соколинец», развивается из топоса *дороги* и способствует личностному становлению и изменению социального статуса. В то же время обжитой топос остается для него чужим, равномерная оседлая жизнь вызывает тоску, а притягательным и манящим по-прежнему остается открытое пространство дороги. Сделан вывод о том, что Короленко продолжает русскую литературную традицию: *дом* и *дорога* в его рассказе семантически противоположные, но взаимосвязанные топосы.

Ключевые слова: герой, дом, дорога, оппозиции *жизнь* — *смерть*, родное — чужое, В. Г. Короленко, пространство, «соколинец», путь.

Для цитирования: Кулакова А. И. Топосы *дом* и *дорога* в сюжетной структуре рассказа В. Г. Короленко «Соколинец» // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 1 (86). С. 113–119. DOI: 10.37724/RSU.2025.86.1.012.

Original article

Home and road as topoi in the plot structure of V. G. Korolenko's story Sokolinet

Anastasia Ivanovna Kulakova

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia
aikulakovanastasia@yandex.ru

Abstract. The study of the topoi of *home* and *road* actualizes the most important spiritual and moral meanings in Russian literature. The analysis of the story is made with consideration of the situations of the hero's trial, who in his early youth leaves his parental home and chooses a life of wandering, leading him from a protected place into the space of uncertainty and danger. The article shows that the topos of the road in the artistic structure of the story is opposed to the home, and the mortal semantics of the topos of the *yurta* (teepee tent in Russian North) allows us to identify the opposition between life and death in the story's poetic world and draw a conclusion: the *yurta* is perceived by the narrator as an *anti-house* — “an alien, devilish space, a place of

temporary death” (Yu. M. Lotman). A special place in the plot structure belongs to the symbolic image of fire, which is directly related to a victory over the forces of evil and is a sign of the protagonist’s personal space. The article shows that the path of difficulties and dangers that Sokolinetz as the hero walks on develops from the topos of the road and contributes to personal formation and change of the hero’s social status. And yet the inhabited topos remains alien to him, the uniform settled life causes unrest, while the open space of the road remains attractive and tempting. It is concluded that Korolenko continues the Russian literary tradition: the home and the road in his story are semantically opposed but interrelated topos.

Keywords: hero, home, road, oppositions life vs. death, native vs. foreign, V. G. Korolenko, space, Sokolinetz, path.

For citation: Kulakova A. I. *Home and road as topos in the plot structure of V. G. Korolenko’s story Sokolinetz. The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2025; 1 (86):113–119. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2025.86.1.012.

Введение

Топос дома, как установлено, является значимым компонентом пространственной организации художественного мира. По справедливому утверждению А. Н. Неминущего, «дом как топос и как семиотический знак представляет собой одну из важнейших доминант каждой национальной культуры. На протяжении длительного времени в русском национальном сознании складывался культ дома. В данном случае дом понимается не только как жилище, но и как мифологический символ; дом — знак своего пространства, знак рода. Кроме того, дом может быть интерпретирован и как модель мироздания вообще, как некое универсальное разомкнутое пространство» [Неминуший, 2001, с. 75]. Наряду с топосом дома в русской культурной традиции выступает в качестве корневого топоса дорога. В «Толковом словаре» В. И. Даля слово «дорога» имеет как прямое, так и метафорическое значение: 1) ездая полоса; 2) путь, стезя; 3) расстояние от места до места; 4) путешествие; 5) сибирский путь; 6) средство, способ для достижения чего-либо (перен.); 7) род жизни, образ мыслей, дела и поступки человека [Даль, 1955, т. 1, с. 473]. По справедливому замечанию Н. И. Мартишиной, пространство дороги в его прямом значении «противопоставляется дому, как внешнее и открытое — внутреннему и освоенному» [Мартишина, 2020, с. 29]. Подобная оппозиция *дом — дорога* лежит в основе сюжетной структуры анализируемого произведения.

Рассказ В. Г. Короленко «Соколинец» в последние годы изучался учеными с различных сторон: были рассмотрены приемы контрастного противопоставления [Иванова, 2007], своеобразие языковой и стилистической манеры писателя [Муминов, 2021], средства выражения функционально-семантической категории интенсивности [Муминов, 2013], духовная трагедия «хорошего» бродяги [Тарасова, 2013], концепт ДОМ в художественном пространстве [Чудинова, 2012], музыкальная композиция рассказа [Семьян, 2000]. Тем не менее многие аспекты художественного мира произведения до сих пор остались неизученными. К ним относится и функционирование топосов дома и дороги в сюжетной структуре рассказа, ставшее целью данной статьи. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейшем изучении творчества писателя, а также в лекционных и практических занятиях по истории русской литературы и по анализу художественного текста.

Основная часть

Оппозиция юрта — дом

Рассказ «Соколинец» (1885), вошедший в цикл «Сибирские рассказы и очерки», имеет традиционную для писателя нарративную организацию — рассказ в рассказе. Слово близкое к автору повествователя становится своеобразной рамкой для изложенной в сказовой манере истории героя-рассказчика. Экспозиция произведения включает в себя эмоционально окрашенное описание сибирской зимы: «короткий северный день угасал среди холодного тумана», «ночь притаилась, охваченная ужасом — чутким и напряженным», «кругом — ни звука», «холодно и жутко»

[Короленко, 1971, т. 1, с. 172–174]. Долгая зима и одиночество становятся серьезным испытанием для повествователя, вынужденно находящегося вдали от родных мест, а в изображении чужой земли с ее суровым климатом явственно обозначается моральная семантика: «мертвое затишье»; «царство мертвящего мороза»; «“чужая сторона” враждебно веет... мраком и холодом» [Короленко, 1971, т. 1, с. 172]. Условия жизни в этом враждебном и опасном пространстве порождают тяжелое психологическое состояние, а описание юрты усиливает гнетущую атмосферу, что в целом вызывает ощущение несчастья: «...густая тьма выползала из углов, заволакивала наклонные стены, которые, казалось, все плотнее сдвигаются над головой» [Короленко, 1971, т. 1, с. 172–173]. Важную роль играет и местонахождение юрты: она расположена на периферии поселения, что имплицитно несет негативную семантику, указывая на физическую изоляцию героя: крыша юрты казалась «островом, закинутым среди бесконечного, необозримого океана» [Короленко, 1971, т. 1, с. 174], а вокруг жилья все представлялось «бесформенным», «безжизненным» [Короленко, 1971, т. 1, с. 173]. Как указывает М. М. Маковский, в мифологическом сознании «слова со значением “рядом”, т. е. “не в центре, на периферии”, обычно соотносятся со значением “зло”: ср. русск. *возле*, т. е. сочетание предлога *в* и русского слова *зло* (*во зле*, т. е. “на периферии, в области Хаоса, не в центре”))» [Маковский, 1996, с. 270], тогда как «дом для древнего сознания — это не столько жилище, сколько центр мира, защищающее пространство, обеспечивающее выход вовне и контакты с внешним миром» [Маковский, 1996, с. 265]. Топос юрты, таким образом, составляет антитезу родному (истинному) дому, а в сознании повествователя имеет признаки *антидома*, который, согласно Ю. М. Лотману, представляет собой «чужое, дьявольское пространство, место временной смерти» [Лотман, 1997, с. 749].

Состояние одиночества становится опасным для жизни хозяина юрты. Так, пребывая во власти гнетущей атмосферы, он забывает о том, что необходимо поддерживать огонь в жилище, и только неожиданный визг пса по прозвищу Цербер, выводит его из забытья, своеобразно напоминая о необходимости согреться «в такой страшный мороз» [Короленко, 1971, т. 1, с. 173]. Имя пса в рассказе, разумеется, не случайно, поскольку в древнегреческой мифологии Цербер — страж, защищающий границу в царство мертвых. В рассказе «умный друг» выводит повествователя «из тяжелого оцепенения» [Короленко, 1971, т. 1, с. 173], голос Цербера спасает жизнь хозяину, не позволяя ему «уйти» в царство мертвых.

Описание пустого камелька, «широко зиявшего открытою пастью в середине юрты» [Короленко, 1971, т. 1, с. 174], напоминает образ сказочного чудовища, а картина появившегося в нем огня передает семантику борьбы с неведомыми силами зла. В мифологическом сознании огонь — сакральный центр: «середина, порядок, гармония» [Маковский, 1996, с. 240]; в рассказе «бог юрты, могучий огонь» [Короленко, 1971, т. 1, с. 173] является «спасительным средством», не только оберегая человека от «мертвящего мороза», но и избавляя от чувства одиночества. В глазах повествователя, разжегшего печь, оконные льды преображаются в самоцветные камни, которые «искрились и переливались отблеском пламени», а уныние сменяется «отрадой в мысли» [Короленко, 1971, т. 1, с. 175]. В словаре символов указывается, что сияние огня равнозначно «победе над силой зла» [Керлот, 1994, с. 353] — так в рассказе семантика смерти сменяется семантикой жизни.

Оппозиция свой — чужой

Постепенно потухающий в камельке огонь возвращает повествователя в состояние борьбы с «безмолвием мрака» [Короленко, 1971, т. 1, с. 176], но теперь «напряженная тишина» [Короленко, 1971, т. 1, с. 174] сменяется звуками бегущей лошади, и его одиночество нарушает приближение путника: случайный гость, по предположению хозяина, привлечен веселыми искрами зажженного им огня. Повествователь сразу узнает в незнакомце якутского поселенца Василия, постепенно угадывая в нем черты бродяги. Важно отметить, что у гостя возникает особое отношение к сиянию огня в жилище повествователя еще до появления на его пороге: он признается, что, проезжая мимо других юрт, чувствовал — «сердце туда не лежит», а «как завидел я твой огонек, сердце во мне разыграло» [Короленко, 1971, т. 1, с. 181]. Интуитивно угадывая огонь соотечественника, герой безошибочно определяет нечто родное, близкое: «а твой огонь увидал — вот, думаю, куда заезжать, если примет», «потому что знаю: у расейского человека

этот огонь горит...» [Короленко, 1971, т. 1, с. 181]. Так огонь в юрте соотечественника становится знаком *своего* локуса для русского бродяги, который с трудом скрывает тоску по родине, вспоминая безоблачное детство в родных краях.

В диалоге персонажей выявляется отношение Василия к местным жителям, которых он сравнивает с русскими: «наша-то сторона, Рассея... Здесь вот все не по-нашему, что ни возьми. Тоже и народ взять: живут по лесу, конину жрут, сырое мясо едят, падаль, прости господи, и ту трескают... тьфу! Стыда у здешнего народа нисколько нету» [Короленко, 1971, т. 1, с. 182]. При этом важно отметить, что якуты оказали ему большую услугу: «Василий получил от наслегу избу, быка, и на первый год ему засеяли обществом шесть пудов хлеба» [Короленко, 1971, т. 1, с. 189]. Однако, несмотря на это и проведенные в Якутии долгие годы, местные особенности и обычаи по-прежнему остаются для него чуждыми. Так четко и определенно в сознании героя проявляется оппозиция *свой — чужой*. Добровольно покинув родные края в поисках лучшей жизни, Василий проходит путь, исполненный испытаний и лишений, и, хотя на чужбине приобретает определенные блага (собственный дом и участок земли), Сибирь для него остается чужим пространством, а Россия — далекой недосыгаемой родиной.

Дорога как топос испытаний главного героя

В энциклопедии «Мифы народов мира» *путь* героя определяется как «образ связи между двумя отмеченными точками пространства», которому свойственны постоянные препятствия: «Путь строится по линии все возрастающих трудностей и опасностей, угрожающих мифологическому герою-путнику, поэтому преодоление пути есть подвиг» [Топоров, 1991–1992, т. 2, с. 352]. Так происходит и в рассказе «Соколинец»: покинув в возрасте восемнадцати лет родительский дом, простившись со спокойной и благополучной, но однообразной жизнью, герой вступает на путь, таящий в себе различные угрозы и лишения — в итоге бродяжничество приводит его к тюремному заключению и ссылке на остров Сахалин. Как указывает В. Н. Топоров, «горизонтальный путь сложен, и его совершение — признак отмеченности»; «существует два вида пути: к сакральному центру» и «к чужой и страшной периферии, мешающей соединению с сакральным центром или же уменьшающей сакральность этого центра; этот путь ведет из укрытого, защищенного, надежного “малого” центра — своего дома... в царство все возрастающей неопределенности, негарантированности, опасности» [Топоров, 1983, с. 262]. Именно так происходит и в жизни Василия. Поведенная им история начинается с момента, когда он в составе партии заключенных в паровом трюме был отправлен в ссылку на остров Сахалин.

В результате случившегося по дороге убийства арестанта Василию как помощнику старосты грозило суровое наказание, и, по мнению опытных заключенных, чтобы спастись от расстрела, ему по прибытии на остров необходимо бежать. Быстро набирается группа каторжан, готовых рискнуть, а старый бродяга, имеющий опыт в подобных делах, соглашается руководить побегом. Как справедливо отмечено Е. А. Макаровой, в сибирских рассказах В. Г. Короленко доминирует хронотоп дороги, а разомкнутое пространство Сибири противопоставлено «хронотопу тюрьмы, где замкнутое пространство с остановившимся временем окрашено в отрицательные эмоционально-ценностные тона» [Макарова, 2007, с. 37–44]. Тюремный топос на пароходе вызывает у героя «мрачную тоску» [Короленко, 1971, т. 1, с. 188], однако описание тюрьмы на Сахалине отмечено знаком особой опасности и несчастья, а море вокруг острова сравнивается с диким зверем.

Твердое намерение бежать является признаком *отмеченности* Василия, так как «побег на острове — дело крайне рискованное, почти верная смерть, и потому на это дело отваживаются только *исключительные удалы*» [Короленко, 1971, т. 1, с. 189]. Принимая решение, ссыльные осознают, что в дороге их ожидают серьезные опасности: непроходимая тайга с кордонами, хищные животные, морская стихия и угроза голода. Понимая, что эта идея таит в себе серьезный риск, они предпочитают возможную смерть подневольному существованию. Долгая и тяжелая дорога состоит из нескольких этапов и сопровождается трудностями, но беглецы в критической ситуации способны действовать смело и отчаянно: в борьбе за свою свободу они не останавливаются и перед убийством служащих на кордонах солдат, охраняющих границы острова. Эпизод такого убийства описывается главным героем с особым чувством сожаления, что позволяет выявить его сложное внутреннее состояние. По точному замечанию М. Р. Тарасовой,

«личность Василия являет нам конфликт духовного начала (совесть) и природы (вольнлюбивая, страстная натура)» [Тарасова, 2013, с. 34]. Главный герой рассказа справляется со всеми испытаниями и обретает свободу — казалось бы, завершается путь скитаний бродяги, и дальнейшая его жизнь должна сложиться вполне благополучно. Его судьба соотносима с судьбой мифологического персонажа, конец пути которого отмечен изменением его статуса [Топоров, 1991–1992, т. 2, с. 352].

Проходя испытания, Василий развивает в себе сильную волю и мужество, постепенно превращаясь из обычного юноши в настоящего героя. Внутренняя сила и особые навыки выделяют его из среды окружающих, давая возможность достичь настоящего превосходства. Это иллюстрирует финальная сцена рассказа, когда повествователь становится свидетелем убедительной победы героя в конных соревнованиях над соперниками-татарами. Особая сноровка и состояние духа позволяют ему торжествовать над противниками с невероятной легкостью, поскольку он один, как отмечает повествователь, «скакал “по-расейски”, пригнувшись к лошадиной шее, и изредка издавал короткие свистки, звучавшие резко, как удары хлыста. Серый конек почти ложился на землю, распластываясь в воздухе, точно летящая птица» [Короленко, 1971, т. 1, с. 215]. Это сравнение не случайно: птицы в словаре символов обозначают «высоту духа» — так, используя характеристики разных видов птиц, можно выделить разные виды духовности человека: птицы, «парящие в вышине — олицетворяют духовные стремления» [Керлот, 1994, с. 425]. Сравнение с птицей в рассказе появляется дважды: при описании героя и его коня. Прошлое Василия связано с Сахалином (в народе именуется Соколиным островом), поэтому он имеет прозвище «соколинец», и у него наблюдаются свойственные этой птице черты: высоко летящий сокол — птица свободная, хищная, смелая. Стоит также учесть и символическое значение образа коня, «добывающего» победу своему хозяину, он приобретает особые функции: будучи символом «неустранимой отваги» и «победы», конь является еще и «посредником между небом и землей» [Копалинский, 2002, с. 97].

После конных состязаний состоялся последний разговор повествователя с Василием, из которого стало понятно, что тот намерен изменить устоявшийся и прочный образ жизни и заняться опасным промыслом. Серьезный риск и в этот раз не останавливает «соколинца», его вызывающий вид с «горящими глазами» [Короленко, 1971, т. 1, с. 217] выражает твердое намерение переменить судьбу. Героя «зовет» тайга, такой выбор пути выявляет особенность его характера — страстное желание жить не «серыми буднями», а постигать «безвестную, заманчивую и обманчивую даль» [Короленко, 1971, т. 1, с. 181]. Путь трудностей и опасностей, который проходит герой рассказа В. Г. Короленко «Соколинец» Василий, способствует личностному становлению и изменению социального статуса: будучи в прошлом бродягой, к моменту повествования он становится якутским поселенцем — приобретает дом и приусадебное хозяйство. Однако герой не может принять свое новое положение, обжитой тоπος остается для него чужим, равномерная оседлая жизнь вызывает тоску, а притягательным и манящим по-прежнему остается открытое пространство дороги.

Заключение

Топосы *дом* и *дорога* занимают ключевое место в сюжетной структуре рассказа В. Г. Короленко «Соколинец». В сложившейся оппозиции *дом* воплощает устоявшийся быт, семейные ценности, связь с корнями, тогда как *дорога* символизирует движение, перемены и поиск. Короленко продолжает русскую литературную традицию XIX века, показывая героя, который покидает родной дом, чтобы пройти свой путь; в процессе скитаний обнаруживается, что *истинным* для него является *родной дом* (метафорически обозначающий Россию), тогда как *дорога* становится пространством выбора и испытаний. Судьба главного героя рассказа, преодолевающего все трудности, соотносима с судьбой мифологического персонажа, конец пути которого отмечен изменением его статуса. Пройдя путь с каторги в мирную, благополучную жизнь, он все же не может ее принять, потому что не чувствует землю, на которой живет, родной, а людей — близкими по духу. Таким образом, топосы *дом* и *дорога* в рассказе Короленко «Соколинец» являются аксиологическими понятиями, раскрывающими проблему жизненного выбора героя: его поиски и надежды, стремление к устойчивости и воссоединения со своим родом, неуспокоенность и жажду перемен.

Список источников

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1955. — Т. 1. — 699 с.
2. Иванова О. И. Приемы контрастного противопоставления в рассказе В. Г. Короленко «Соколинец» // Наука и образование. — 2007. — № 3. — С. 157–160.
3. Керлот Х. Э. Словарь символов. — М. : REFL-book, 1994. — 608 с.
4. Копалинский В. Словарь символов / пер. с польск. В. Н. Зорина. — Калининград : Янтарный сказ, 2002. — 263 с.
5. Короленко В. Г. Соколинец // Короленко В. Г. Собр. соч. : в 6 т. — М. : Правда, 1971. — Т. 1. — С. 172–217.
6. Лотман Ю. М. Дом в «Мастере и Маргарите» // О русской литературе : Статьи и исследования (1958–1993). — СПб. : Искусство-СПб, 1997. — С. 748–755.
7. Макарова Е. А. Типология героя и «светоцветовое» видение мира в «Сибирских рассказах и очерках» В. Г. Короленко // Вестник Томского государственного университета. — 2007. — № 294. — С. 37–44.
8. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. — М. : Владос, 1996. — 416 с.
9. Мартишина Н. И. Аксиология дороги в Российской культуре и ее философско-художественная репрезентация // Вестник ОГПУ. Сер. «Гуманитарные исследования». — 2020. — № 2 (27). — С. 28–33.
10. Муминов В. И. Использование средств выражения функционально-семантической категории интенсивности признака в рассказе В. Г. Короленко «Соколинец» // Филологический журнал СахГУ. — 2013. — № 20. — С. 10–15.
11. Муминов В. И. Своеобразие языковой и стилистической манеры В. Г. Короленко (на материале рассказа «Соколинец») // Вестник УГУ. Сер. «История и философия». — 2021. — Т. 31, № 5. — С. 875–890.
12. Неминуший А. Н. Архитектоника дома в прозе А. П. Чехова 1890-х гг. // Пространство и время в литературе и искусстве. Дом в европейской картине мира. — Даугавпилс : ДПИ им. Я. Э. Калнберзиня, 2001. — С. 71–79.
13. Семьян Т. Ф. Музыкальная композиция рассказа В. Г. Короленко «Соколинец» // Вестник ЧГУ. — 2000. — Т. 2, № 1. — С. 55–63.
14. Тарасова М. Р. Рассказ В. Г. Короленко «Соколинец»: духовная трагедия «хорошего» бродяги // Филологический журнал. — 2013. — № 20. — С. 30–34.
15. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст. Семантика и структура : сб. ст. / отв. ред. Т. В. Цивьян. — М. : Наука, 1983. — С. 227–284.
16. Топоров В. Н. Путь // Мифы народов мира : энцикл. : в 2 т. — М. : Советская энциклопедия, 1991–1992. — Т. 2. — С. 719.
17. Чудинова В. И. Концепт ДОМ в художественном пространстве рассказа В. Г. Короленко «Соколинец» // Филологический журнал СахГУ. — 2012. — № 19. — С. 46–50.

References

1. Dal V. I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes]. Moscow, State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1955, vol. 1, 699 p. (In Russian).
2. Ivanova O. I. Techniques of contrasting oppositions in V. G. Korolenko's short story "Sokolinets." *Nauka i obrazovaniye*. [Science and Education]. 2007, iss. 3, pp. 157–160. (In Russian).
3. Kerlot J. E. *Slovar simvolov*. [Dictionary of Symbols]. Moscow, REFL-book, 1994, 608 p. (In Russian).
4. Kopalinsky V. *Slovar simvolov. Per. s polsk. V. N. Zorina*. [Dictionary of Symbols. Transl. from Polish by V. N. Zorin]. Kaliningrad, Yantarny skaz Publ., 2002, 263 p. (In Russian).
5. Korolenko V. G. Sokolinet. *Korolenko V. G. Sobr. soch.: v 6 t.* [Korolenko V. G. Collected Works: in 6 volumes]. Moscow, Pravda, 1971, vol. 1, pp. 172–217. (In Russian).
6. Lotman Yu. M. Home in "The Master and Margarita." *O russkoy literature: Statyi i issledovaniya (1958–1993)*. [On Russian Literature: Articles and Research (1958–1993)]. St. Petersburg, Iskustvo-SPb, 1997, pp. 748–755. (In Russian).
7. Makarova Ye. A. Tipologiya geroya i 'svetotsvetovoye' videniye mira v 'Sibirskikh rasskazakh i ocherkakh V. G. Korolenko. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Tomsk State University]. 2007, iss. 294, pp. 37–44. (In Russian).

8. Makovskiy M. M. *Sravnitelnyy slovar mifologicheskoy simboliki v indoevropeyskikh yazykakh. Obraz mira i miry.* [Comparative dictionary of mythological symbolism in Indo-European languages. The worldview and other worlds.] Moscow, Vlasov, 1996, 416 s. (In Russian).
9. Martishina N. I. Aksiologiya dorogi v Rossiyskoy kulture i yeye filosofsko-khudozhestvennaya reprezentatsiya. *Vestnik OGPU. Ser. "Gumanitarnyye issledovaniya."* [Bulletin of OGPU. Series "Humanitarian studies"]. 2020, iss. 2 (27), pp. 28–33. (In Russian).
10. Muminov V. I. Using the means of expressing the functional-semantic category of feature intensity in V. G. Korolenko's story "Sokolinets." *Filologicheskii zhurnal SakhGU.* [Philology journal of Sakhalin State University]. 2013, iss. 20, pp. 10–15. (In Russian).
11. Muminov V. I. The originality of the linguistic and stylistic manner of V. G. Korolenko (based on the story "Sokolinets"). *Vestnik UGU. Ser. "Istoriya i filosofiya"*. [Bulletin of Ufa State University. Series "History and Philosophy"]. 2021, vol. 31, iss. 5, pp. 875–890. (In Russian).
12. Neminushchiy A. N. Architectonics of Home in A. P. Chekhov's prose of the 1890s. *Prostranstvo i vremya v literature i iskusstve. Dom v yevropeyskoy kartine mira.* [Space and time in literature and art. Home in the European picture of the world]. Daugavpils, J. E. Kalnberzin State Pedagogical Institute, 2001, pp. 71–79. (In Russian).
13. Semyan T. F. Musical accompaniment to V. G. Korolenko's Short Story "Sokolinets." *Vestnik ChGU.* [Vestnik of ChSU]. 2000, vol. 2, iss. 1, pp. 55–63. (In Russian).
14. Tarasova M. R. V. G. Korolenko's short story "Sokolinets": spiritual tragedy of a "good" vagabond. *Filologicheskii zhurnal.* [Philological Journal]. 2013, iss. 20, pp. 30–34. (In Russian).
15. Toporov V. N. Space and text. *Tekst: Semantika i struktura. Sb. st. Otv. red. T. V. Tsivyan.* [Text: Semantics and Structure. Collection of articles. Ed. by T. V. Tsivyan]. Moscow, Nauka, 1983, pp. 227–284. (In Russian).
16. Toporov V. N. Path. *Mify narodov mira: entsikl.: v 2 t.* [Myths of the peoples of the world: Encyclopedia: in 2 volumes]. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1991–1992, vol. 2, p. 719. (In Russian).
17. Chudinova V. I. Concept of HOUSE in the poetiv Space of V. G. Korolenko's short story "Sokolinets." *Filologicheskii zhurnal SakhGU.* [Philological Journal of Sakhalin State University]. 2012, iss. 19, pp. 46–50. (In Russian).

Информация об авторе

Кулакова Анастасия Ивановна — выпускница аспирантуры Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, преподаватель русского языка и литературы Колледжа сервиса и туризма.
Сфера научных интересов: история русской литературы, аксиология, литература и христианство.

Information about the author

Kulakova Anastasia Ivanovna — Ph. D. candidate, Immanuel Kant Baltic Federal University, lecturer of Russian language and literature at the College of services and tourism.
Research interests: history of Russian literature, axiology, literature and Christianity.

Статья поступила в редакцию 20.10.2024; принята к публикации 25.11.2024.
The article was submitted 20.10.2024; accepted for publication 25.11.2024.